

УДК 81:1

СЕМИОЛОГИЯ Р. БАРТА: ПИСЬМО, ИДЕОЛОГИЯ, МИФОЛОГИЯ**Кокарева Елена Андреевна***соискатель кафедры философии**Пермский государственный национальный исследовательский университет**614990, Пермь, ул. Букирева, 15**e-mail: malheureu@mail.ru*

В статье рассматривается семиология французского философа Р. Барта, в которой получают развитие идеи структурного сходства языка и реальности, автономности, субстанциальности языка. Р. Барт обнаруживает объективные властные силы языка, которые в виде особых коннотативных (вторичных, сопутствующих) смыслов образуют скрытый, до конца не осознающийся людьми идеологический уровень, состоящий из иллюзий и стереотипов общества. Совокупность коннотативных значимых представляет собой мифы современного общества. Идеологические, или мифологические, смыслы создают «иллюзорный» образ реальности, который «подменяет» собой истинную суть вещей и явлений. Человек, таким образом, оказывается запертым в языковом пространстве, которое полностью подчиняет и регулирует его мысли, представления и действия.

Ключевые слова: язык; реальность; структура; структурализм; знак; семиология; мифология; идеология; коннотация; Р. Барт.

Р. Барт — один из крупнейших исследователей в области семиологии, литературоведении и массовой культуры. Взгляды философа претерпели сложную эволюцию. Ознакомившись с работами лингвистов XX в. (Ф. де Соссюр, Н.С. Трубецкой, Р.О. Якобсон, Л. Ельмслев, Э. Бенвенист) и формалистов (В. Пропп), а также с трудами К. Леви-Строса по структурной антропологии, Барт начинает свою деятельность как семиолог, рассматривающий многочисленные культурные явления как знаковые системы. Семиология, по мнению Барта, должна изучать в первую очередь то, как люди наделяют смыслами предметы и явления, окружающие их. Вещи всегда полисемичны и поддаются различным интерпретациям. Культура все больше и больше открывается нам как универсальная система символов, как организм, постоянно производящий знаки и с их помощью структурирующий действительность.

Барту удается гармонично соединить семиологию со структурным методом, что значительно расширяет возможности исследований в области культуры современного общества и в литературоведении.

Барт дает довольно пространное определение понятию «структурализм». Он называет «структурализмом» не конкретную школу, течение или науку, а особую *деятельность*, «упорядоченную последовательность определенного числа мыслительных операций» [5, с. 229]. Цель такой дея-

тельности заключается в выявлении скрытых, неосознаваемых человеком структур и функций различных объектов действительности. С помощью специфической операции «членения» становится возможным обнаружить подвижные фрагменты — единицы (элементы) структуры в объекте исследования, взаимное расположение которых порождает смысл и малейшее изменение которых приводит к изменению знаковой системы. Другая операция — «монтаж» позволяет выявить правила взаимного соединения и функционирования этих единиц в структуре.

Семиология Барта примечательна тем, что объектом ее исследования становятся не непосредственно осознаваемые и сознательно используемые людьми знаковые системы, а знаковые системы, которые людьми до конца не осознаются, знаковые системы, которые управляют обществом, властвуют над ним. Первым, кто стал исследовать бессознательные структуры, порождающие и определяющие все социокультурные феномены (обряды, системы родства, ритуалы, мифы и т.д.), был К. Леви-Строс. Барт в некотором смысле продолжил идеи знаменитого структуралиста и начал анализировать латентные, скрытые в буржуазной культуре, культуре общества потребления *идеологические знаковые системы*, которые обществом могут не осознаваться, но которые господствуют над ним.

Идеология, в понимании Барта, — это *ложное* сознание. Функция идеологии заключается в том, чтобы незаметно подменить в сознании человека «истинные» мотивы поведения «иллюзорными», оправдывающими интересы господствующего класса, группы. Идеология, таким образом, предстает как «коллективно вырабатываемая ценностно-смысловая сетка, помещенная между индивидом и миром и опосредующая его отношение к этому миру» [11, с. 9].

Барт хотел понять, как устроены идеологические знаки, т.е. хотел выявить их *структуру* и тем самым объяснить их механизм воздействия на общество. Главной задачей *новой семиологии — науки об идеологиях*, по мнению Барта, становится разрушение идеологических представлений в современном обществе. Разрушить означает вскрыть назначение и функции идеологических знаков.

В раннем периоде своего творчества Барт обращается к исследованию «*письма*» и «*мифологии*». *Письмо* представляет собой двойственное образование — оно возникает между *языком* как совокупностью «предписаний и навыков, общих для всех писателей одной эпохи» [5, с. 55] и *стилем* как выразительной манеры, индивидуальным опытом человека. Иначе говоря, письмо — это функция, которая обеспечивает связь между общественным (национальным, принудительным) и индивидуальным (творчеством). В ходе таких исследований Барт выявил в письме механизм, наделенный властью и обладающий принудительной силой, подобный политическому институту.

Займствовав у русского литературоведа и теоретика культуры М.М. Бахтина идею о «социально-идеологическом языке», Барт вводит два противоположных понятия: «*социолект*» — языковые и речевые особенности, характерные для какой-либо социальной группы, общности, или особый способ знакового закрепления социокультурных представлений, и «*идиолект*» — язык, присущий отдельному индивиду (он выражается в грамматических особенностях, специфических выражениях, а также в идиомах, которые использует конкретный человек). По мнению Барта, понятие «идиолект» иллюзорно, так как любая, даже индивидуальная языковая деятельность всегда социализирована, язык принадлежит всем (в обществе люди общаются в рамках единого национального языка, а в отдельных социальных классах и группах в зависимости от ситуации используют различные «словари», лексиконы). Поэтому стоит говорить только о различных социолектах. Язык пропитан множественными изменчивыми

идеологическими смыслами, которые он приобретает в контексте употреблений. Письмо, стало быть, и есть «опредметившаяся в языке идеологическая сетка, которую та или иная группа, класс, социальный институт и т.п. помещает между индивидом и действительностью, понуждая его думать в определенных категориях, замечать и оценивать лишь те аспекты действительности, которые эта сетка признает в качестве значимых» [12, с. 17]. Множество социолектов, выработанных веками целыми поколениями людей, различными социальными классами, политическими партиями, различными институтами, направлениями в литературе и искусстве, средствами массовой информации и т.п., представляют собой огромный склад видов письма (разговорный, изысканный, политический, буржуазный и др.). Из этого склада социолектов-писем отдельный индивид *вынужден* «заимствовать свой “язык”, а вместе с ним и всю систему ценностно-смыслового отношения к действительности» [12, с. 17]. По мнению Барта, именно власть порождает наиболее эффективные виды письма (политическое письмо отражает идеи и представления господствующего класса).

Однако Барт находит способ, с помощью которого, возможно, и нельзя до конца очистить письмо от идеологий и стереотипов, но можно избежать их. Таким способом становится «*нулевая степень письма*», или, иначе — белое, нейтральное письмо, которое представляет собой «границы, пределы, отделяющие область возможного, осмысленного, разумного для данной эпохи от того, что не является для данного социального коллектива ни осмысленным, ни разумным» [1, с. 85]. Нейтральное письмо избавлено от привычной языковой упорядоченности и является абсолютно «прозрачным». «В понимании Барта, современная литература нацелена на преодоление власти, воплощенной в механизмах языка, тем самым утверждая полную свободу» [9, с. 62]. Первым, кто использовал в литературе это нейтральное письмо, был французский писатель-экзистенциалист А. Камю. В своей повести «Посторонний» он создает особый стиль, основанный на «идее отсутствия», письмо здесь очищено от социализированных стереотипов, идеологий, исторически сформировавшихся образов, независимо от них.

В другом своем исследовании Барт обращается к анализу «*мифологии*» современного общества, общества потребления. Барт рассматривает миф с семиологической точки зрения — как знаковую систему, структуроподобную естественно-ми языку. Он предполагает, что мифом можно

обозначить все что угодно: «Да, я считаю так, ибо наш мир бесконечно суггестивен. Любой предмет этого мира может из замкнуто-немого существования *перейти в состояние слова*, открыться для усвоения обществом — ведь никакой закон, ни природный, ни иной, не запрещает нам говорить о чем угодно» [3, с. 234]. По мнению Р. Барта, носителем мифического слова способно служить все — не только письменный дискурс, но и фотография, кино, репортаж, спорт, реклама и т.д.

Вслед за Ф. де Соссюром Барт выделяет в *структуре социокультурных знаков* три основных элемента: *означающее* (план выражения) — *означаемое* (план содержания) — *знак* (соединение означаемого и означающего).

Помимо элементов знака, предложенных Ф. де Соссюром, Барт выделяет в структуре знаковых системах *два уровня (плана) значений*: денотацию и коннотацию. Первичный уровень значений составляют *денотативные сообщения* — «буквальный», «очевидный» смысл знака. Это сообщения (фразы, фрагменты, тексты), которые сведены к своим предметным значениям, очищенные от любых дополнительных смыслов. В рекламном слогане сока «Чемпион»: «Фрукты! Солнце! И ничего больше» таким денотативным сообщением будет буквальный смысл фразы — то, что в соке «Чемпион» нет ничего, помимо фруктов и солнца. Это сообщение включает в себя означающее (образ звукового и графического ряда слов, синтаксические отношения воспринимаемой фразы) и означаемое (буквальный смысл слов и отношений). Вторичный уровень значений надстраивается над первичным (денотативным) и состоит из *коннотативных сообщений* — «символических» смыслов, имеющих форму социокультурных и персональных ассоциаций и реляций, получающихся в процессе декодирования читателем некоторого текста (фразы, фрагмента): «Наряду с более или менее твердым предметным значением... всякое слово пропитано множеством текучих, изменчивых, идеологических смыслов, которые оно приобретает в контексте своих употреблений» [12, с. 16]. Таким образом, в фразе из рекламы сока «Чемпион»: «Фрукты! Солнце! И ничего больше» мы «прочитываем» дополнительные смыслы, составляющие суть самой рекламы: фрукты и солнце указывают на «натуральность», «витаминность» сока; что он не содержит красителей и консервантов, а значит, полезен для здоровья. Само название сока — «Чемпион» говорит нам о том, что, употребляя этот натуральный продукт, мы наполнимся силой и энергией, будем

готовы побеждать и т.п. В коннотативном сообщении мы также обнаруживаем означаемое (дополнительные смыслы) и означающее (стилистические фигуры, особенности соединения слов и фраз, метафоры, метонимии и др.). Однако означающее коннотативного сообщения на самом деле уже образовано денотативным сообщением и используется в качестве вторичного означающего и приводит к появлению дополнительного означаемого, поэтому говорят, что коннотация вторична по отношению к денотации: «Коннотативная система есть система, план выражения которой сам является знаковой системой» [6, с. 341]. Коннотация, «произрастающая» из денотации, не исчерпывает последнюю, так как «денотативных означаемых всегда больше, чем коннотативных (без этого высказывание вообще не могло бы существовать)» [6, с. 242–243].

Коннотация имеет большое значение, так как в обществе на базе первичных систем (естественных языков) постоянно возникают вторичные знаковые системы (различные социокультурные явления — фотография, реклама, кино, одежда и др.): «Когда мы читаем газету, идем в кино, смотрим телевизор или слушаем радио... можно... сказать, что мы все время получаем и воспринимаем сплошь коннотативные сообщения», «можно утверждать, что мы... живем в коннотативной цивилизации» [7, с. 412].

Коннотативные смыслы могут «прикрепляться не только к знакам естественного языка, но и к различным материальным предметам» [12, с. 18], выполняющим практическую функцию и становящимся знаками-функциями (обычная куртка и норковая шуба выполняют одинаковую практическую функцию — защитить тело человека от холода; но они в то же время могут указывать на различное социальное и имущественное положение людей). Коннотативные смыслы чаще всего неопределенны и расплывчаты, во многом зависимы от социокультурного и исторического контекста и, как правило, не фиксируются ни в каких толковых словарях, а потому их распознавание во многом зависит от кругозора и проницательности воспринимающего: «Знаковая система оказывается, если так можно выразиться, пропитанной внешним миром» [6, с. 343].

Область, общая для всех коннотативных смыслов, есть, по мнению Барта, *область идеологии*: «Что касается коннотативного означаемого, то оно обладает всеобъемлющим, глобальным и расплывчатым характером: это — фрагмент идеологии» [6, с. 344]. Область же денотации как сово-

купность первичных, «буквальных» смыслов должна оставаться свободной от идеологического наполнения. Анализируя газетный заголовок, сообщающий нам о понижении цен на овощи, мы обнаруживаем в нем коннотативную систему (область идеологии) — цены снижаются потому, что так распорядилось правительство (область коннотации здесь можно обозначить одним словом — «правительственность»). Однако здесь же мы можем выделить и денотативный, неидеологизированный смысл: цены падают потому, что наступил овощной сезон.

Однако Барт довольно скоро расстался с иллюзией существования неидеологизированного уровня в знаковых системах: «Чистая, лишенная коннотативных обертонов денотация представляет собой теоретическую абстракцию, языковую утопию» [11, с. 15]. Барт признал, что в повседневной языковой практике денотативные значения также пропитаны идеологией и стереотипами: «Денотация оказывается лишь последней из возможных коннотаций, верховным мифом, позволяющим тексту притворно разыгрывать возвращение к природе языка, к языку как к природе» [8, с. 52]. При этом коннотативные смыслы подражают, маскируются под денотативные, стремясь подавить их или даже вытеснить, поэтому воспринимаются коннотативные смыслы как само собой разумеющееся и остаются практически всегда незамеченными для воспринимающих. Таким образом, коннотативные смыслы являются скрытыми (латентными), «никогда прямо не называются, а лишь подразумеваются и потому могут либо актуализироваться, либо не актуализироваться в сознании воспринимающих» [12, с. 18]. Коннотативные значения довольно активны — они легко возникают в знаках и также легко из них исчезают. Коннотативные смыслы живут до тех пор, пока активно живет породивший их идеологический контекст и пока мы сами свободно ориентируемся в этом контексте.

Анализируя мифы современной культуры, Барт пришел к выводу, что они представляют собой совокупность коннотативных означаемых, а значит, образуют скрытый уровень идеологических иллюзий, которые «властные структуры общества потребления транслируют посредством “мягких” семантических механизмов» [10, с. 28]. Основной функцией мифа является изменение действительности, создание такого образа реальности, который совпадал бы с ценностными ожиданиями людей — носителей мифологического сознания. Барт приводит пример с фотографией

из одного французского журнала, где изображен молодой африканец во французской военной форме, смотрящий на развивающийся французский флаг. То, что мы видим на изображении, есть непосредственный смысл знаковой системы. Мифологический же смысл изображения, состоящий из скрытых коннотативных означающих, заключается в том, что «Франция — это великая Империя, что все ее сыны, независимо от цвета кожи, верно служат под ее знаменами и что нет лучшего ответа критикам так называемой колониальной системы, чем рвение, с которым этот молодой африканец служит своим так называемым угнетателям» [2, с. 273].

Миф стремится к созданию «устойчивого», раз и навсегда данного образа мира. «Коварность», опасность мифов заключается в том, что они «пытаются скрыть» свою идеологичность, иллюзорность, пытаются предстать как нечто естественное, само собой разумеющееся, иными словами, «натурализуют» себя (за счет того, что коннотативные значения подражают денотативным): «В результате миф воспринимается как некое безобидное сообщение и не потому, что его интенции скрыты (в таком случае они утратили бы свою эффективность), а потому, что они натурализованы» [2, с. 291].

Мифы уничтожить практически невозможно, они снова и снова возрождаются. Однако, по мнению Барта, ослабить их власть можно. В поздний период своего творчества Барт предлагает один способ. Для начала необходимо объяснить, разоблачить сами мифы — выявить их идеологическую составляющую, т.е. заняться «демифизацией» современной культуры. Затем необходимо разрушить сам знак, разрушить их структуру: «Теперь нужно уже не разоблачать мифы, а раскачивать сам знак как таковой — не выявлять латентный (скрытый) смысл высказывания, различительного признака, рассказа, но расщеплять репрезентацию смысла как таковую; не заменять или очищать символы, а подвергать критике символическое как таковое» [4, с. 475].

Уже ранние исследования Барта таких объектов, как письмо и миф, показывают, что язык является активной системой. Культура (реальность) имеет типологическое сходство с языком. Любой феномен культуры, будь то фотография, одежда, обряды или кино, можно рассматривать как знаковую систему, своей структурой подходящей на язык (они имеют элементы языковой структуры: знак—означаемое—означающее). В строении социокультурных знаковых систем можно обнару-

жить денотативные и коннотативные смыслы. Коннотативные значения скрыты от сознания людей, имеют *идеологический контекст* и основаны на *внушении* определенных смыслов тем, кто «прочитывает» ту или иную знаковую систему. Структура знаковых систем является неосознанным принудительным механизмом, который *организует* нашу жизнь, *подчиняет* себе нас, *управляет* нашими мыслями и действиями, «*навязывая*» дополнительные смыслы знакам, «не мы пользуемся языком, а язык пользуется нами, подчиняя какому-то таинственному, но властному сценарию» [12, с. 26].

Однако Барт, на наш взгляд, абсолютизирует активную роль языка, возводя его в статус самостоятельной, независимой, замкнутой реальности, которая поглощает действительность. Язык, по мнению Барта, образует территорию и очерчивает границы для нас: «Язык предшествует индивиду, преднаходится им; до и независимо от индивида он уже определенным образом организует, классифицирует действительность и предлагает нам готовые формы» [12, с. 27]. В описании автономных, безличных сил языка не отражаются объективные законы внешнего мира. Язык оказывается замкнутым на самом себе и не имеет никаких выходов за свои пределы.

Список литературы

1. Автономова Н.С. *Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках*. М.: Наука, 1977. 271 с.
2. Барт Р. Миф сегодня // *Мифологии*. М.: Академ. проект, 2008. С. 188–228.
3. Барт Р. *Мифологии*. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 320 с.
4. Барт Р. *Мифология сегодня // Система моды*. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. С. 473–477.
5. Барт Р. *Нулевая степень письма*. М.: Академ. проект, 2008. 432 с.
6. Барт Р. *Основы семиологии // Барт Р. Нулевая степень письма*. М.: Академ. проект, 2008. 432 с.
7. Барт Р. *Рекламное сообщение // Барт Р. Система моды*. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. С. 409–415.
8. Барт Р. *S/Z*. М.: Академ. проект, 2009. 384 с.
9. Береснева Н.И. *Философия языка / Перм. гос. ун-т. Пермь: 2008. 122 с.*
10. Дьяков А.В. *Философия постструктурализма во Франции*. Нью-Йорк: Северный крест, 2008. 364 с.
11. Косиков Г.К. *Идеология. Коннотация. Текст // Барт Р. S/Z*. М.: Академ. проект, 2009. С. 5–45.
12. Косиков Г.К. *Ролан Барт — семиолог, литературовед // Барт Р. Нулевая степень письма*. М.: Академ. проект, 2008. С. 3–45.

Получено: 29.03.2014.

References

1. Avtonomova N.S. *Filosofskie problemy strukturnogo analiza v gumanitarnykh naukakh* [Philosophic problems of structural analysis in humane sciences]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 271 p. (In Russian).
2. Barthes R. [Myth today]. *Mifologii* [Mythologies]. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyh Publ., 2008, pp. 188–228. (In Russian).
3. Barthes R. *Mifologii* [Mythologies]. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyh Publ., 2004, 320 p. (In Russian).
4. Barthes R. [Mythology today]. *Sistema mody* [Fashion system]. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyh Publ., 2004, pp. 473–477. (In Russian).
5. Barthes R. *Nulevaya stepen' pis'ma* [Writing degree zero]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2008, 432 p. (In Russian).
6. Barthes R. [Basics of semiotics]. *Nulevaya stepen' pis'ma* [Writing degree zero]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2008, 432 p. (In Russian).
7. Barthes R. [Advertisement message]. *Sistema mody* [Fashion system]. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyh Publ., 2004, pp. 409–415. (In Russian).
8. Barthes R. *S/Z* [S/Z]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2009, 384 p. (In Russian).
9. Beresneva N.I. *Filosofiya yazyka* [Philosophy of language]. Perm, Perm St. Univ. Publ., 2008, 122 p. (In Russian).
10. Dyakov A.V. *Filosofiya poststrukturalizma vo Frantsii* [Philosophy of poststructuralism in France]. New York, Severnyj krest, 2008, 364 p. (In Russian).
11. Kosikov G.K. [Ideology. Connotation. Text]. *Bart R. S/Z* [S/Z]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2009, pp. 5–45. (In Russian).
12. Kosikov G.K. [Roland Barthes — semiologist, theorist of literature]. *Bart R. Nulevaya stepen' pis'ma* [Writing degree zero]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2008, pp. 3–45. (In Russian).

The date of the manuscript receipt: 29.03.2014.

R. BARTH SEMIOLOGY: SCRIPT, IDEOLOGY, MYTHOLOGY

Elena A. Kokareva

Perm State National Research University; 15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia

The article deals with a semiology by French philosopher R. Barth. Barth suggested the idea of the structural similarity of language and reality, the autonomy, substantive language. Also, R. Barth discovered commanding powers of language, which as a special connotation (secondary, related) meanings form hidden, not recognized by people the ideological level; this level includes illusions and stereotypes of the society. The combination of connotative signified represents the myths of modern society. Ideological, or mythological meanings create a false image of reality that «fakes» the real things and phenomena. Man, therefore, is locked in language space, which subordinates and regulates thoughts, views and actions.

Key words: language; reality; structure; structuralism; sign; semiology; mythology, ideology, connotation, R. Barth.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Кокарева Е.А. Семиология Р. Барта: письмо, идеология, мифология // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2014. № 2(18). С. 94–99.

Please cite this article in English as:

Kokareva E.A. R. Bart semiology: script, ideology, mythology // Perm University Bulletin. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2014. No 2(18). P. 94–99.